

— Ты именно так и сказал императору? — Госпожа Ван с досадой посмотрела на Цзянь Чжи. Ей еще не было сорока, и в молодости она слыла признанной красавицей.

Глядя на заурядное лицо сына, она невольно вздохнула. По правде говоря, ее покойный муж Цзянь Пин был писанным красавцем. Как же вышло, что их ребенок не унаследовал ни единой его черты? Если бы она не была уверена, что выносила его сама, то всерьез заподозрила бы, что в роддоме их детей перепутали.

— Матушка, сын виноват, — Цзянь Чжи почувствовал, как начинает болеть голова. Он просто не мог выносить материнское умение превращать кривые доводы в истину в последней инстанции. В душе он снова посетовал на судьбу: интересно, кто же наградил его таким языком?

— И в кого ты такой упрямый, как отец? Все эти люди только и ждут, чтобы ты разгневал императора, а ты хорош — послушно идешь у них на поводу! — Госпожа Ван злилась все больше. Ее супруг погиб именно из-за своей прямоты, перейдя дорогу влиятельным лицам, и она не хотела, чтобы старший сын повторил его путь.

Если бы не эта огромная семья, если бы остались только они четверо, она давно заставила бы сына уйти в отставку. Нашли бы тихое местечко, он женился бы, завел детей, и плевать было бы на все эти дворцовые дразги.

— Матушка, как чиновник, я обязан давать императору прямые советы, — мягко ответил Цзянь Чжи.

Как старший в роду, после смерти отца он взял на себя тяжкое бремя. Младшие брат и сестра были еще детьми, да и остальные члены клана зависели от их благополучия. Он понимал, к чему клонит мать: нужно беречь себя. Будь он в ладах с Регентом Шэнь Цинсюанем, жизнь семьи Цзянь сложилась бы куда удачнее. Но стоило ему однажды перейти дорогу Шэнь Цинсюаню, как тот начал методично давить на его карьеру.

Старейшины рода раньше лишь намеками попрекали его, а теперь уже открыто, глядя на шелковицу, ругали акацию. Но он не мог... Не мог уподобиться остальным и во всем потакать Шэнь Цинсюаню только ради блага семьи. Иначе в столице не осталось бы никого, кто посмел бы возразить Регенту хоть словом, и династия Сун давно сменилась бы династией Шэнь. Хотя, по правде говоря, все к тому и шло. Он, Цзянь Чжи, и другие чиновники из бедных семей были не в силах пошатнуть единоличную власть Шэнь Цинсюаня.

И все же... Он не мог забыть наставления отца. Если бы отец захотел, если бы хоть раз склонил голову перед Канцлером Шэнем, разве посмели бы наемники, прикинувшись разбойниками, убить его на пути из столицы? Когда гроб доставили в Цзиньюэ и поставили у ворот поместья, даже он, всегда гордившийся своим хладнокровием, едва устоял на ногах. Что уж говорить о матери, которую отец носил на руках, и о маленьких брате с сестрой.

Цзянь Чжи невольно вспомнил слова отца. Если бы не заложенная им вера, он бы не выдержал.

Ему тоже хотелось бросить все столичные дела и стать беззаботным ученым. Наверняка все эти козни — дело рук Шэнь Цинсюаня.

— Сичжи, запомни: путь человека в постоянстве, берегись потерять себя, забыв свои истоки!

Отец говорил это, и Цзянь Чжи не смел забыть эти слова. Нельзя забывать истоки и терять себя.

— Раз ты не хочешь говорить о государственных делах, считая, что женщина в этом ничего не смыслит, давай обсудим семейные вопросы, — мать знала его как никто. Несмотря на терпеливый тон и спокойное лицо, она видела в его глазах беспомощность и раздражение.

Все-таки он еще слишком молод. В двадцать с небольшим лет дух еще не окреп, легко поддаться чужому влиянию. Когда Цзянь Пин был в его возрасте, они даже знакомы не были. Цзянь Пин, блиставший талантами и красотой в Цзиньюэ, в итоге выбрал ее — дочь заурядной семьи Ван. Это стало шоком для всех. Почти тридцатилетний Цзянь Пин ни разу не был замечен в увлечениях, и когда многие решили, что у него недуг, он внезапно женился на Ван Муянь.

Хотя она была известной красавицей, ее семья не имела в роду даже мелкого чиновника седьмого ранга. Все ждали, что будет дальше, полагая, что брак был заключен лишь для вида. Но супруги жили душа в душу, в глубоком уважении и любви. Через год родился Цзянь Чжи, а пять лет спустя — близнецы. С тех пор никто не смел сказать, что она была ему не ровня.

— Матушка, я слушаю, — Цзянь Чжи почувствовал облегчение, что тема сменилась.

Разговоры о дворе в стенах дома были опасны: дойди они до ушей недоброжелателей, их тут же использовали бы как дубину против семьи. Даже если император хотел его защитить, это было непросто. Мать была слишком проницательна, чтобы не понимать этого, так что семейные дела наверняка были лишь предлогом. Скорее всего, она заведет речь о его женитьбе.

Утром, в ожидании аудиенции, коллеги, любившие поиздеваться, уже вовсю судачили о том, что помолвка снова расторгнута. Кто-то даже подошел и прямо спросил: Цзянь-шилан, кажется, за три года от вас уже раз пять отказывались? Оказывается, он был последним, кто узнал об этом.

— Только что приходили из поместья Лю, расторгли помолвку. Ты понимаешь, какой это раз?
— Госпожа Ван сверкнула глазами. А ведь все шло так хорошо, и вот — опять. Вторая дочь семьи Лю была достойной девушкой, идеальной невесткой, но, видно, не судьба.

— Матушка, полагаю, я не приглянулся семье Лю, — Цзянь Чжи был озадачен. После того как они обручились, он лишь изредка посылал небольшие подарки, никогда не позволяя себе лишнего. В чем же причина?

Он, Цзянь Сичжи, хоть и не красавец, но и не урод. Не великий поэт и не сановник первого ранга, но семья Цзянь в Цзиньюэ известна. В двадцать с небольшим он уже чиновник третьего ранга, карьера вполне успешна. И пусть он в ссоре с Шэнь Цинсюанем, разве это повод для отказа? Но каждый раз, стоило объявить о помолвке, как невеста отказывалась, превращая его в посмешище всей Цзиньюэ.

— Сичжи, сколько девушек из хороших семей мы перебрали? И каждая расторгает помолвку через три месяца. Как мне теперь смотреть людям в глаза? — Упреки матери были тем, в чем он сам хотел разобраться.

Он догадывался, что кто-то действует намеренно, но кому это нужно? Ему просто хотелось найти жену из порядочной семьи, умеющую вести хозяйство. Он не мог дать ей любви, но обещал уважение, верность и достойную жизнь.

<http://bllate.org/book/21029/2138050>